

Рекс Тодхантер Стаут
Ниро Вульф и умолкнувший оратор (сборник)
Серия «Великие сыщики. Ниро Вульф»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122647

Ниро Вульф и умолкнувший оратор : [роман, повесть] / Рекс Стаут ; [пер. с англ. А. Горского, Ю.

Смирнова].: Издательская фирма «КУБК а»; Санкт-Петербурге; 2013

ISBN 978-5-367-02672-6, 978-5-4357-0182-1

Аннотация

Гениальный детектив Ниро Вульф и его помощник Арчи Гудвин берутся за два новых дела. В успешном расследовании одного из них заинтересован весь американский народ. От исхода второго зависит судьба сутулой девятнадцатилетней девушки и жизнь самого Ниро Вульфа...

Содержание

Умолкнувший оратор	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	21
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рекс Стаут Ниро Вульф и умолкнувший оратор (сборник)

Rex Todhunter Stout
The Silent Speaker
Before I Die

Издательство выражает благодарность литературному агентству The Van Lear Agency за содействие в приобретении прав

- © Rex Stout 1946
- © Rex Stout 1947
- © Горский А., перевод на русский язык, 2013
- © Смирнов Ю., перевод на русский язык, 2013
- © Издание на русском языке, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2013

* * *

Умолкнувший оратор

Глава 1

Ниро Вульф сидел с закрытыми глазами в огромном кресле за письменным столом.

– Интересно... – пробормотал он. – Члены Национальной ассоциации промышленников, которые присутствовали на приеме, представляют капитал, оцениваемый в тридцать миллиардов долларов.

Я запер в сейф чековую книжку, зевнул и вернулся к своему столу.

– Очень интересно, сэр, – согласился я. – Но не менее интересно, что доисторические строители могильных курганов оставили в штате Огайо больше следов своей деятельности, чем где бы то ни было. В дни моей юности...

– Заткнись! – рявкнул Вульф.

Я смолчал. Во-первых, дело шло к полуночи, и меня клонило в сон, а во-вторых, его замечание, быть может, имело отношение к нашему предыдущему разговору, чего нельзя сказать о моей тираде. Мы обсуждали наши финансовые тяготы, изыскивали возможности уплаты налогов и решали прочие денежные вопросы, среди которых не самой маловажной была проблема выплаты жалованья мне.

Когда я зевнул в третий раз, Вульф вдруг сказал весьма решительно:

– Арчи, возьми блокнот.

В одну минуту сна как не бывало. Когда он продиктовал мне свои распоряжения и я отправился к себе наверх, полученные на завтра задания так завладели моими мыслями, что я вертелся в постели не меньше тридцати секунд, прежде чем меня сморил сон.

Глава 2

Разговор наш происходил в среду самого теплого марта за все время существования Нью-Йорка. В четверг погода не изменилась, и я даже не надел пальто, выйдя из нашего особняка на Западной Тридцать пятой улице и направляясь в гараж за машиной. Я был подготовлен к любым случайностям. В бумажнике у меня имелся запас визитных карточек, которые гласили:

АРЧИ ГУДВИН

сотрудник Ниро Вульфа

Западная Тридцать пятая улица

тел.: Проктор 5–5000

В боковом кармане пиджака, помимо обычного содержимого, лежал документ, сфабрикованный мною на пишущей машинке. В нем говорилось: «Разрешение от инспектора Л. Т. Кремера на обследование комнаты в отеле „Уолдорф“ получено. О результатах сообщу по телефону». Сбоку над текстом были нацарапаны чернилами – тоже моя работа, достойная восхищения, – инициалы: «Л. Т. К.».

Управление нью-йоркской полиции находится на Двадцатой улице, меньше чем в миле от нас, и в половине десятого я уже сидел перед шикарным старинным письменным столом, владелец которого, восседая на вращающемся кресле, хмуρο разглядывал какие-то бумаги. У него было круглое красное лицо, маленькие серые глазки, плотно прижатые к черепу уши. Он перенес на меня угрюмый взгляд и проворчал:

– Я чертовски занят. – Глаза его усталились на три дюйма ниже моего подбородка. – Что это вы расфрантились? Или думаете, что уже Пасха?

– Я не знаю такого закона, который запрещал бы человеку купить себе новую рубашку и галстук, – решительно отпарировал я. – А может быть, как и полагается детективу, я маскируюсь? Конечно, вы заняты, и я не намерен отнимать у вас время. Хочу просить вас об одолжении, о большом одолжении. Не для себя, так как совершенно уверен, что, окажись я в горящем доме, вы бы немедленно приказали плеснуть в пламя бензина. Я обращаюсь к вам от имени Ниро Вульфа. Он просит вас разрешить мне осмотреть комнату в отеле «Уолдорф», где в прошлый вторник был убит Ченни Бун, и сделать там несколько снимков.

Тут уж инспектор Кремер воззрился на меня и на мой новый галстук.

– Боже милосердный! – произнес он наконец с горьким негодованием. – Мало мне и без того неприятностей с этим делом! Не хватало только Ниро Вульфа, и вот он тут как тут! – Он задвигал челюстью, раздраженно глядя на меня. – Кто ваш клиент?

Я покачал головой:

– Не знаю ни о каком клиенте. Насколько я понимаю, дело просто в научной любознательности Ниро Вульфа. Он интересуется преступлениями, которые...

– Вы слышали мой вопрос? Кто ваш клиент?

– Разрежьте меня на куски, сэр, – подобострастно отозвался я, – выньте сердце и пошлите на исследование в лабораторию, и вы увидите – на нем начертано, что я ничего не...

– Хватит! – Кремер снова уткнулся в бумаги.

Я поднялся с места:

– Я знаю, инспектор, что вы заняты. Но мистер Вульф будет весьма признателен, если вы разрешите осмотреть...

– Чушь! – не поднимая головы, бросил он. – Вы не нуждаетесь ни в каком разрешении для осмотра комнаты и прекрасно это знаете! Мы проделали там все, что требовалось, а помещение это является частным владением. Впервые слышу, чтобы вы добивались официального разрешения властей. Будь у меня время, я попытался бы узнать, что за этим скрывается, но я слишком занят. Убирайтесь вон!

– Боже мой! – обескураженно произнес я, направляясь к двери. – Подозрительность... Вечно одна подозрительность!.. Что за человек?!

Глава 3

По внешнему виду и манерам Джонни Дарст был чрезвычайно далек от того образа, который вы могли бы составить о сыщике, служащем в гостинице. Его скорее можно было принять за вице-президента какого-нибудь треста или за стюарда из гольф-клуба. Мы находились в небольшой комнате. Он молча глядел на меня, а я рассматривал обстановку, состоящую из маленького столика, зеркала и нескольких стульев.

– Скажите, а что вы ищете? – вежливо поинтересовался он.

– Ничего определенного, – сказал я. – Я работаю у Ниро Вульфа, точно так же как вы работаете у хозяев «Уолдорфа». Он послал меня сюда, и вот я здесь. Ковры поменяли?

Он кивнул:

– Сами понимаете – кровь... Кое-что забрала полиция.

– Судя по газетным сведениям, здесь четыре такие комнаты, по две с каждой стороны сцены?

Он опять кивнул:

– Используются в качестве артистических уборных. Конечно, Ченни Бун отнюдь не был артистом, но он хотел подготовиться к выступлению, и его провели сюда, чтобы никто не мешал. Банкетный зал отеля «Уолдорф» лучше других оборудован...

– Бесспорно! – охотно согласился я. – Хозяева должны платить вам надбавку к жалованью за рекламу. Что ж, весьма признателен.

– Узнали, что было нужно?

– Да, пожалуй.

– Могу показать вам место, откуда он должен был произнести речь.

– Спасибо, в следующий раз.

Он спустился вместе со мной в лифте и проводил до выхода. На прощание он все же, как бы невзначай, спросил:

– А на кого работает Вульф?

– Наивный вопрос, – ответил я. – Он работает во-первых, во-вторых и всегда на Вульфа.

Глава 4

Без четверти одиннадцать я оставил машину на стоянке у Фоли-сквер и вошел в здание, где располагались различные правительственные учреждения.

Я встретил там с десяток сотрудников ФБР, с которыми Вульф и я были знакомы во время войны, когда он выполнял государственные задания, а я служил в военной разведке. Мы с Вульфом решили, что Джордж Спиро, будучи процента на три более болтлив, чем остальные, окажется для нас полезным человеком, поэтому именно ему я послал свою визитную карточку. Не прошло и мгновения, как аккуратненькая деловая девица провела меня в аккуратненький деловой кабинет, где меня встретило аккуратненькое деловое лицо – Джордж Спиро из ФБР. Мы церемонно приветствовали друг друга, и затем, придав своему голосу сердечность, он спросил:

– Ну-с, майор, чем мы можем быть вам полезны?

– Окажите мне две любезности, – сказал я. – Во-первых, перестаньте величать меня майором. Я уже давно сбросил форму и, кроме того, страдаю комплексом неполноценности, так как должен был бы носить звание полковника. Во-вторых, у меня просьба от Ниро Вульфа, своего рода конфиденциальная просьба. Конечно, он мог бы просто позвонить шефу, но не хочет беспокоить его по таким пустякам. Речь идет об убийстве Буна. Нам сказали, что в расследование вмешалось ФБР, а, как известно, обычно вы не интересуетесь такими делами. Мистер Вульф хотел бы узнать, может быть, Федеральному бюро нежелательно, чтобы частный детектив проявлял интерес к этому делу?

Спиро все еще пытался играть роль доброжелательного чиновника, но выучка оказалась сильнее его. Он принялся барабанить по столу пальцами, но тут же прекратил и поспешно убрал руку. Сотрудники ФБР не барабанят пальцами по столу.

– Дело Буна? – наморщил он лоб, словно не зная, о чем идет речь.

– Совершенно верно, дело Ченни Буна.

– Да, да, припоминаю... Скажите, пожалуйста, а почему им интересуется мистер Вульф?

Он насканивал на меня со всех сторон. Полчаса спустя я ушел с тем, с чем и ожидал уйти, – ни с чем. Надежда на то, что он на три процента более болтлив, чем другие, не оправдалась.

Глава 5

Последнее задание оказалось самым трудным. Главным образом потому, что я столкнулся с совершенно незнакомыми мне людьми. Я не знал ни единого человека, связанного с Национальной ассоциацией промышленников, и был вынужден начать с ничего. Как только я поднялся в контору ассоциации на тридцатом этаже здания, расположенного на 41-й улице, вся обстановка сразу же произвела на меня дурное впечатление. Приемная была слишком велика, слишком много денег было потрачено на ковры, обои, мебель, а девица за конторкой, хотя и являлась не столь уж плохим экземпляром с изобразительной точки зрения, безусловно, была подсоединена к морозильной камере. Уж так холодна, что я не видел ни малейшего шанса разморозить ее. Я умею быстро сблизиться с лицами слабого пола в возрасте от двадцати до тридцати и более лет, при определенном стандарте в очертаниях и окраске, но с этим экземпляром найти общий язык было невозможно. Я понял это с первого взгляда и поэтому, протянув ей свою визитную карточку, сказал, что желаю видеть Хэтти Гардинг.

Это оказалось так трудно, словно Хэтти Гардинг являлась богиней-хранительницей храма, а не помощником президента Ассоциации промышленников по общественным связям. Наконец я был пропущен к ней. Просторный кабинет, богатые ковры, комфортабельная мебель. Имелись достоинства и у нее лично. Ей было где-то между двадцатью шестью и сорока восьмью годами, рост высокий, хорошо сложена, одета со вкусом, скептический уверенный взгляд.

– Мне доставляет истинное удовольствие видеть самого Арчи Гудвина, явившегося от самого Ниро Вульфа, – заявила она, крепко пожимая мне руку. – Поверьте, истинное удовольствие. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Я имею в виду, что вы явились от Ниро Вульфа.

– По прямой, мисс Гардинг. Как пчела летит с цветка.

– Да? А не на цветок? – рассмеялась она.

В ответ рассмеялся и я. Теперь мы на дружеской ноге.

– Так действительно будет ближе к истине. Признаюсь, что я прилетел сюда заполучить бочку нектара. Для Ниро Вульфа. Ему может понадобится список членов Ассоциации промышленников, которые присутствовали на приеме в отеле «Уолдорф» во вторник вечером. Копия предварительного списка у него имеется, но ему необходимо знать, кто из этого списка не явился на прием, а кто явился сверх списка.

Она молчала. На лице у нее появилось выражение озабоченности.

– Почему бы нам не сесть? – вовсе не по-приятельски предложила она и направилась к креслам, стоявшим у окна. Но я сделал вид, что не заметил этого, и подошел к одному из стульев для посетителей перед ее письменным столом, так что ей пришлось занять свое рабочее место. Моя записка, адресованная Ниро Вульфу, которую я завизировал инициалами инспектора Кремера, покоилась у меня в боковом кармане пиджака, и ей предстояло случайно выпасть на пол кабинета мисс Гардинг. При том что нас разделял стол, это была не сложная операция.

– Интересно, для чего мистеру Вульфу понадобился список? – спросила она.

– Если честно, я могу ответить на ваш вопрос только ложью. – Я улыбнулся. – Список необходим ему, чтобы попросить присутствующих на приеме об автографе.

– Я буду так же честна с вами, мистер Гудвин, – улыбнулась она в ответ. – Вы, конечно, понимаете, что случившееся несчастье в высшей степени неприятно для нашей ассоциации. Только представьте себе – наш гость, основной оратор на вечере, директор Бюро регулирования цен, убит перед началом приема. Я оказалась в чертовски неловком положении...

Даже если в течение последних десяти лет отдел общественных связей, которым я руковожу, являлся лучшим – что я не желаю вменить в заслугу себе, – все мои усилия могут пойти насмарку из-за того, что произошло там в течение десяти секунд. Поэтому не...

– Почему вы думаете, что в течение десяти секунд?

Она удивленно заморгала:

– Но ведь... должно быть... так, как все произошло...

– Не доказано, – беспечно сказал я. – Его четыре раза ударили гаечным ключом по голове. Конечно, это можно проделать и за десять секунд, но предположите, что убийца ударил его в первый раз, Бун потерял сознание, убийца, передохнув, снова ударил его, опять перевел дух, ударил в третий раз...

– Что это вы?! – оборвала она меня.

– Просто демонстрирую, как может проходить расследование убийства. Если бы вы заявили полиции, что преступление совершено в течение десяти секунд, вам бы не сдобровать. А у меня это в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Во всяком случае, я этим не интересуюсь. Я пришел по поручению мистера Вульфа, и мы были бы вам чрезвычайно признательны за список, о котором я говорил.

Я приготовился выслушать что-нибудь вроде речи, но опешил при виде того, как она закрыла лицо руками, и, ей-богу, даже подумал, что она вот-вот заплачет от отчаяния. Это был самый подходящий момент, чтобы бросить записку на ковер, что я и проделал. Мисс Гардинг сидела с закрытым лицом так долго, что я успел бы раскидать по полу целую кипу бумажек. Наконец она отняла руки от лица.

– Извините, – сказала она, – но я не спала две ночи и совершенно разбита. Я вынуждена просить вас уйти. Через десять минут у мистера Эрскина должно начаться еще одно совещание по поводу убийства Буна, и мне надо подготовиться. К тому же вы отлично понимаете, что я не могу дать вам список без ведома и согласия свыше. Кроме того, у мистера Вульфа, как я слышала, тесные связи с полицией. Почему бы вам не затребовать список у нее? И наконец, скажите мне, – я искренне надеюсь, что вы это сделаете, – кто поручил мистеру Вульфу взяться за это дело?

Я покачал головой и поднялся:

– Я нахожусь точно в таком же положении, как и вы, мисс Гардинг. Я не могу ничего сделать, даже ответить на простой вопрос, без санкции свыше. Может быть, мы придем к соглашению? Я спрошу мистера Вульфа, можно ли мне ответить на ваш вопрос, а вы спросите мистера Эрскина, можно ли дать мне список. Желаю успеха вашему совещанию.

Мы пожали друг другу руки, и я не мешкая прошагал по коврам к двери, чтобы она не успела обнаружить на полу записку и вернуть ее мне.

В это время дня движение на улицах такое, что я едва тащился. Остановив машину у старого каменного особняка на Западной Тридцать пятой улице, принадлежащего Ниро Вульфу и являющегося моим домом в течение уже десяти лет, я поднялся на крыльцо и попытался отпереть ключом дверь, но она оказалась на засове, и мне пришлось позвонить. Отпер мне Фриц Бреннер, повар и домоправитель. Проинформировав его, что шансы на получение в субботу жалованья у нас есть, я направился через вестибюль в кабинет.

Вульф восседал за своим столом, читая книгу. Только здесь он чувствовал себя удобно. В доме были и другие кресла, сделанные по специальному заказу, с учетом габаритов шефа и с гарантией выдержать нагрузку до четверти тонны. Одно из них стояло в его спальне, второе – на кухне, третье – в столовой, четвертое – в оранжерее, где выращивались орхидеи, и пятое – в кабинете, за его рабочим столом, рядом с огромным глобусом, диаметром почти в три фута, и книжными полками. Именно в этом кресле Вульф проводил большую часть суток.

Как обычно, он даже не поднял глаза, когда я вошел. И, как обычно, я не обратил на это ни малейшего внимания.

– Крючки наживлены, – громко сказал я. – Возможно, в этот самый момент по радио передают, что Ниро Вульф, величайший из всех ныне здравствующих частных детективов (когда ему хочется работать, что происходит довольно редко), занялся делом Буна. Включить?

Он дочитал до точки и отложил книгу в сторону.

– Нет, сейчас пора ленча, – сказал он и взглянул на меня. – Наверное, тебя видно всего насквозь. Звонил инспектор Кремер. Звонил Трэвис из ФБР. Звонил Родде из отеля «Уолдорф». Боюсь, что один из них пожалует сюда, поэтому я и велел Фрицу запереть дверь на засов.

Вот и все, что он произнес в этот момент или, вернее, в течение ближайшего часа, так как появившийся Фриц объявил, что кушать подано. Ленч в тот день состоял из свиного филе на кукурузных лепешках с острым томатным соусом, сыра и – венец творения Фрица – кукурузных блинов с медом. Фриц готовил их мастерски. Не успел один из нас прикончить, скажем, одиннадцатый блин, как немедленно, прямо со сковороды, появлялся двенадцатый.

Глава 6

Я назвал это операцией «Платежная ведомость». Согласен, что такое название было дано несколько преждевременно. Помимо жалования Фрицу Бреннеру, Чарли – уборщику, Теодору Хорстману – цветоводу, который ухаживал за орхидеями, мне предстояли и другие расходы, слишком многочисленные, чтобы их перечислять. Однако, исходя из правила называть вещи своими именами, я назвал это именно так.

Утром в пятницу мы наконец поймали рыбку, за которой охотились. В четверг вечером произошли два непредвиденных визита. Первым явился инспектор Кремер, вторым Джордж Спиро из ФБР. Вульф распорядился не принимать их, и они ушли не солоно хлебавши. Я был настолько уверен, что рано или поздно рыба заглотнет нашу наживку, что всю вторую половину четверга посвятил составлению отчета об убийстве Буна, как оно представлялось мне по газетным сообщениям и из беседы, которую я имел в среду с сержантом Пэрли Стеббинсом. Перечитав свое творение, я решил не приводить его здесь целиком, а ограничиться лишь изложением основных моментов.

Ченни Бун, директор правительственного Бюро регулирования цен, был приглашен выступить с речью на приеме, устраиваемом Национальной ассоциацией промышленников в банкетном зале отеля «Уолдорф». Он прибыл туда без десяти семь, когда приглашенные на прием еще толклись вокруг коктейлей. Его провели в комнату для почетных гостей. Как обычно, она кишела людьми, которые вовсе не должны были там находиться. Выпив коктейль и будучи представлен ряду лиц и выслушав кучу комплиментов, Бун попросил указать ему укромное местечко, где он мог бы просмотреть текст своего выступления. Буна отвели в комнату рядом со сценой. Его жена осталась в гостиной. Вместе с Буном, на случай если ему что-нибудь понадобится, отправилась его племянница Нина Бун, но он почти немедленно отослал ее и остался один.

Вскоре после этого приехала Фиби Гантер, личный секретарь Буна. Она привезла с собой два консервных ножа, два разводных ключа, две мужские рубашки, две авторучки и детскую коляску – эти вещи должны были фигурировать в качестве экспонатов, иллюстрирующих отдельные положения речи Буна. Мисс Гантер пожелала немедленно доставить их своему шефу, и кто-то взялся проводить ее к Буну. Этот некто толкал перед собой коляску с экспонатами, вызывая иронические возгласы гостей. Мисс Гантер оставалась с Буном не больше двух минут. Вручив ему экспонаты, она отправилась в гостиную выпить коктейль, объяснив, что Бун выразил желание остаться в одиночестве.

В семь тридцать собравшиеся в гостиной были приглашены в зал, и тысяча четыреста человек начали усаживаться за столы, а официанты уже готовы были ринуться в бой. Около семи сорока пяти появился мистер Эдджер Кэйтс, руководитель аналитико-статистического отдела Бюро регулирования цен. Он привез последние данные, которые Бун должен был использовать в своем выступлении, и стал его искать. Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент Ассоциации промышленников, велел официанту проводить его к Буну. Официант провел Кэйтса до двери комнаты, в которой находился Бун. Эдджер Кэйтс и обнаружил тело. Бун лежал на полу, голова его была разможжена разводным ключом, валявшимся рядом. То, что в первую очередь сделал Кэйтс, расценивалось газетами одинаково. Правда, одни ограничивались намеками, другие прямо называли вещи своими именами, а именно, что ни один сотрудник Бюро регулирования цен ни в чем не доверял членам Ассоциации промышленников, считая их готовыми на все, вплоть до убийства. Во всяком случае, вместо того, чтобы вернуться в зал и сообщить о случившемся, Кэйтс нашел за сценой телефон, позвонил управляющему отделом и велел немедленно вызвать полицию.

Такова вкратце картина, которую я нарисовал в своем отчете.

Глава 7

В пятницу произошла первая поклевка. Так как каждое утро с девяти до одиннадцати Вульф проводит в оранжерее, я был в кабинете один, когда раздался звонок. Последовала обычная для мира секретарей рутина.

– Мисс Гардинг просит к телефону мистера Вульфа.

Если я начну излагать весь мой разговор сперва с замороженной секретаршей, а затем с мисс Гардинг, это займет не меньше двух страниц. Короче говоря, я сумел втолковать мисс Гардинг, что, когда Вульф занимается своими орхидеями, он недостижим. Она поинтересовалась, когда мистер Вульф освободится и сможет приехать к мистеру Эрскину, и я объяснил, что мой шеф редко покидает дом, тем более по делам.

– Мне это известно! – отрезала она. По-видимому, она провела без сна еще одну ночь. – Но ведь его вызывает мистер Эрскин!

Я понял, что рыбка на крючке, и сделал подсечку:

– Для вас он мистер Эрскин, а для мистера Вульфа он никто. Мистер Вульф не любит работать.

Меня попросили не вешать трубку, и я терпеливо ждал. Это продолжалось минут десять, когда наконец снова послышался ее голос:

– Мистер Гудвин?

– Постаревший и ставший более мудрым, но все еще он.

– Мистер Эрскин придет в контору мистера Вульфа сегодня в половине пятого.

Я начал раздражаться:

– Послушайте, общественные связи, почему бы вам не упростить дело, дав мне возможность поговорить с мистером Эрскином? Если он придет в половине пятого, ему придется ждать целых полтора часа. Я же вам говорил: мистер Вульф занимается орхидеями с девяти до одиннадцати и с четырех до шести, и ничто, повторяю, ничто не может изменить этого распорядка дня.

– Просто смехотворно!

– Не спорю. Однако это так.

– Обождите у телефона.

Мне так и не удалось поговорить с мистером Эрскином – слишком велика честь для меня. Однако, преодолев уйму препятствий, мы достигли соглашения. Когда Вульф в одиннадцать часов спустился в кабинет, я объявил:

– Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент Национальной ассоциации промышленников, вместе с сопровождающими его лицами соизволит прибыть сюда в десять минут четвертого.

Глава 8

Ровно в три часа десять минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь, заметив по дороге Вульфу:

– Это люди того сорта, которых вы часто велите прогонять. Сдерживайте себя. Не забывайте про наши финансовые дела, про Фрица, Теодора, Чарли и меня.

Он даже не рыкнул в ответ.

Улов был сверх ожидания. В делегации, состоявшей из четырех человек, был не один Эрскин, а целых два – отец и сын. Отцу было лет под шестьдесят, но он не произвел на меня внушительного впечатления. Высокого роста, костлявый и узкоплечий, в дурно сидящем темно-синем костюме, приобретенном в магазине готового платья. И хотя зубы у него были свои, разговаривал он так, словно ему мешала вставная челюсть производства третьесортного зубного техника. Он представил всех; сперва себя, потом остальных. Сына его звали Эдуард Фрэнк, но к нему обращались запросто – Эд.

Двое других, представленных в качестве членов исполнительного комитета ассоциации, были мистер Бреслоу и мистер Уинтергоф. Бреслоу выглядел так, словно родился покрасневшим от гнева и умрет, когда настанет час, в том же раздраженном состоянии. А Уинтергоф, если бы это не принижало достоинства члена исполнительного комитета Ассоциации промышленников, мог бы подрабатывать, позируя для рекламы виски в качестве изысканного пожилого джентльмена старой формации. У него даже были небольшие, аккуратно подстриженные седые усики.

Что касается сына, который был примерно моего возраста, я оставляю за собой право высказать о нем свое мнение позже, так как он был явно с похмелья и страдал от головной боли. Его костюм стоил по крайней мере в три раза дороже костюма его отца.

Я рассадил их, предоставив Эрскину-старшему красное кожаное кресло перед столом Вульфа, и поставил рядом маленький столик, чтобы на нем можно было развернуть чековую книжку и выписать чек.

– Возможно, это пустая трата времени, мистер Вульф, – заговорил Эрскин-отец, – но по телефону мы не смогли получить удовлетворительной информации. Кто-нибудь поручал вам заняться расследованием известного вам дела?

Вульф приподнял брови на одну шестнадцатую дюйма.

– Какого дела, мистер Эрскин?

– Ну... Вы понимаете... Смерть Ченни Буна...

Вульф задумался:

– Позвольте мне сформулировать свой ответ следующим образом. Я никому не давал согласия на что бы то ни было и не связан никакими обязательствами.

– В случае убийства существует только одно обязательство, – злобно прошипел Бреслоу, – добиться торжества правосудия.

– О боже, – громко вздохнул Эрскин-сын.

– Если хотите, можете уйти, я все сделаю сам! – с раздражением произнес Эрскин-старший и повернулся к Вульфу: – Какое мнение создалось у вас в связи с этим происшествием?

– Мнения экспертов стоят денег.

– Мы вам заплатим.

– Разумную сумму, естественно, – вставил Уинтергоф.

– Это не стоило бы ничего, – сказал Вульф, – если бы не было высказано экспертом, а я еще не решил для себя, братья ли мне за это дело или нет. Я не люблю работать.

– Кто обращался к вам? – Эрскин-старший во что бы то ни стало хотел это узнать.

– Неблагоразумно спрашивать меня об этом, сэр. – Вульф погрозил ему пальцем. – Я был бы болтуном, если бы ответил на ваш вопрос. Вы явились сюда с целью нанять меня?

– Видите ли... – Эрскин-старший задумался. – Это обсуждалось нами как возможный вариант.

– Вами – как частными лицами или как представителями Национальной ассоциации промышленников?

– Это обсуждалось как дело, в котором заинтересована ассоциация.

Вульф покачал головой:

– Решительно не советую вам нанимать меня. Вы рискуете впустую потратить деньги.

– Почему? Разве вы не являетесь квалифицированным специалистом по...

– Я лучший из всех. Но картина достаточно очевидна. Вас беспокоит лишь репутация и положение ассоциации. Общественное мнение уже вынесло свой приговор. Известно, что ваша ассоциация была настроена чрезвычайно враждебно по отношению к Бюро регулирования цен и, в частности, к мистеру Буну и проводимой им политике. Девять человек из десяти уверены в том, что они знают, кто убил мистера Буна: Национальная ассоциация промышленников.

– Но ведь это абсурд!

– Конечно, – согласился Вульф. – Однако общественное мнение есть общественное мнение. Национальная ассоциация промышленников осуждена, и приговор вынесен. Единственный путь исправить положение заключается в том, чтобы отыскать истинного убийцу и предать его суду. А вдруг убийцей окажется член вашей ассоциации? Правда, в этом случае недоброжелательство общества перекинется на непосредственного убийцу и если не целиком, то в значительной степени отвлечет внимание от Ассоциации промышленников.

Наши посетители переглянулись. Уинтергоф мрачно кивнул, а Бреслоу крепко сжал губы, чтобы не взорваться. Эд Эрскин посмотрел на Вульфа так, словно тот был причиной его головной боли.

– Вы говорите, что общественное мнение осудило Ассоциацию промышленников, – заговорил Эрскин-отец. – Если бы только оно! Но того же мнения придерживается и полиция, и ФБР! Они действуют прямо как гестапо. Члены такой старой и почтенной организации, как наша ассоциация, казалось бы, должны иметь некоторые привилегии. Ничего подобного! Знаете ли вы, что делает полиция? Связалась чуть ли не со всеми городами Соединенных Штатов! Требуем от иногородних членов ассоциации, присутствовавших на приеме, прислать письменные показания!

– М-да... – вежливо пробурчал Вульф. – Но я надеюсь, что полицейские органы на местах снабдят их бумагой и чернилами.

– Что?! – вскинулся на Вульфа Эрскин-старший.

– Какое, черт побери, это имеет отношение к делу?! – пожелал узнать его сын.

Вульф оставил взрывы их благородного гнева без ответа.

– Вероятность того, что полиция найдет убийцу, весьма мала. Правда, не изучив внимательно всех обстоятельств дела, я не могу высказать свое мнение как эксперт, но повторяю: мне кажется сомнительным, что полиция отыщет убийцу. Прошло уже трое суток. Вот почему я не рекомендую вам нанимать меня. Следует признать, однако, что, в какую бы сумму это ни обошлось вашей ассоциации, обнаружение убийцы стоит любых денег, даже если выяснится, что убийцей является один из вас, джентльмены. Если бы меня принудили вести это дело, я бы взялся за него с неохотой. Сожалею, что вам пришлось зря потратить время на посещение моего дома. Арчи!

Подразумевалось, что я должен явить хорошие манеры и проводить их до дверей. Я встал. Они продолжали сидеть, обмениваясь взглядами.

– Я бы пошел дальше, Фрэнк, – произнес Уинтергоф, обращаясь к Эрскину-старшему.

– А что нам еще остается? – горестно спросил Бреслоу.

– О боже, лучше бы он оставался в живых, – пробурчал Эд.

Я сел.

– Мы деловые люди, мистер Вульф, – сказал Эрскин-старший. – Понимаем, что вы не можете дать нам гарантий. Но если мы уговорим вас приняться за это дело, сколько вы с нас возьмете?

Не меньше десяти минут ушло у них на то, чтобы уговорить Вульфа, и все они явно почувствовали облегчение, даже Эд, когда тот наконец снизошел к их мольбам. Основным и самым убедительным доводом стали слова Бреслоу о том, что первейший долг каждого помочь правосудию покарать преступника. Была достигнута договоренность об авансе в десять тысяч долларов. Вопрос об окончательном гонораре остался открытым. Они были загнаны в угол. Под диктовку Вульфа я настучал на машинке договор, и Эрскин-старший подписал его.

– Итак, – сказал он, возвращая мне авторучку, – я думаю, будет лучше, если мы расскажем вам все, что знаем о деле.

– Только не сейчас, – покачал головой Вульф. – Я должен систематизировать свои мысли по поводу этой запутанной истории. Лучше, если вы вернетесь сюда вечером, ну, скажем, в девять часов.

Они хором запротестовали. Уинтергоф заявил, что у него деловое свидание, которое он не может отменить.

– Как вам будет угодно, сэр. Если ваше свидание более важно, чем это дело... Но мы должны приступить к работе без промедления. – Вульф обернулся ко мне: – Арчи, блокнот. Телеграмма: «Прошу принять участие совещании по поводу убийства мистера Буна, которое состоится у Ниро Вульфа девять часов вечера пятницу двадцать девятого марта». Поставь мою подпись. Немедленно разошли телеграммы инспектору Кремеру, мистеру Спиро, мистеру Кэйтсу, мисс Гантер, миссис Бун, мисс Нине Бун, возможно, и еще кому-нибудь, позже решим... Готовы ли вы присутствовать, джентльмены?

– Мне думается, – горестно произнес Эрскин-старший, – что вы совершаете ошибку. Основной принцип...

– Расследование веду я, – оборвал его Вульф тоном, какой члены Ассоциации промышленников позволяют себе только по отношению к людям, чьи фамилии никогда не встречаются на бланках фирм в качестве фамилий владельцев и директоров.

Телеграммы были срочные, я сел за машинку, а так как Вульф не любит лишний раз подниматься со своего кресла, он вызвал Фрица, чтобы тот проводил гостей. Напечатав текст телеграммы (куда проще и быстрее было бы связаться со всеми этими людьми по телефону, но у Вульфа свое мнение на этот счет), я позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт» и узнал у него нужные мне адреса. Ему было известно все. Миссис Бун и ее племянница, приехавшие из Вашингтона, жили в отеле «Уолдорф». Эджер Кэйтс остановился у своих приятелей на Одиннадцатой улице, а Фиби Гантер – на Пятьдесят пятой улице. Пока я записывал адреса, Вульф сидел с закрытыми глазами.

– Осмеливаюсь предположить, – заметил я, – что нам остается всего-навсего обычный сбор улик. У Эда Эрскина на руках мозоли. Может ли это вам пригодиться?

– Убирайся к черту. – Вульф вздохнул. – А я-то хотел сегодня дочитать книгу...

Он позвонил Фрицу, чтобы тот принес пива.

Я был вынужден признать, что Вульф заслужил мое восхищение. Не своим обращением с богатым клиентом – это обычное дело, особенно во время безденежья. Не тем, что заполучил работодателя, – я и сам мог додуматься до этого. Не тем, как вынудил промышленников умолять его взяться за ведение дела, – это избитый прием. Не наитием с телеграммой, – восхищаться наитием Вульфа – то же самое, что восхищаться снегом на Север-

ном полюсе или зеленой листвой в тропических лесах. Нет. Я восхищался рациональностью его мышления.

Итак, он захотел познакомиться со всеми этими людьми. Что бы вы сделали в подобном случае? Надели бы шляпу и отправились туда, где находится интересующий вас человек. Но что, если вам претит сама идея выйти на улицу? Вы бы пригласили этого человека к себе. Но были бы вы уверены, что он придет? Вот тут и проявилась рациональность мышления Вульфа. Возьмите, к примеру, инспектора Кремера. Почему он, инспектор уголовной полиции, обязательно должен прийти? Да потому, что он не знает, чего ради Вульф занялся этим делом и насколько глубоко зарылся в него! Именно поэтому Кремер не мог позволить себе остаться в стороне. То же самое и все остальные.

Ровно в четыре Вульф сделал последний глоток пива и на лифте вознесся в оранжевую. Я принялся наводить порядок в кабинете, а потом уселся за свой рабочий стол с пачкой газетных вырезок – проверить, не упустил ли я чего-нибудь существенного в своем отчете по делу Буна. Я был углублен в работу, когда раздался звонок. Открыв дверь, я увидел перед собой типичного агента по продаже пылесосов в рассрочку. Во всяком случае, он являлся таковым по внешнему виду. У него был дружелюбный, ничем не потревоженный взгляд, открытая улыбка. Правда, такой костюм, как у него, я мог купить только после смерти богатого дядюшки.

– Привет! – радостно воскликнул он. – Бьюсь об заклад, что вы Арчи Гудвин. Это вы приходили вчера к мисс Гардинг? Она рассказала мне о вас. Или вы не Арчи Гудвин?

– Арчи Гудвин, – подтвердил я. Это был, пожалуй, самый простой способ заставить его умолкнуть.

– Так я и думал. – Он казался вполне удовлетворенным. – Позвольте войти? Я хотел повидать мистера Вульфа. Я Дон О’Нил, но, конечно, для вас это пустой звук. Я президент корпорации «О’Нил и Уордер» и член этого забытого богом собрания древностей под названием Национальная ассоциация промышленников. Я был председателем банкетной комиссии в «Уолдорфе». Поверьте, никогда не забуду того вечера! Председатель комиссии, и вдруг...

Первой мыслью моей было то, что я довольно сносно прожил больше тридцати лет и не будучи знакомым с Доном О’Нилом, и не видел причин, почему бы мне не продолжать жить по-прежнему. Но в то же время я не мог допустить, чтобы мои личные симпатии и антипатии влияли на выполнение служебных обязанностей. Поэтому я провел его в кабинет и усадил в кресло, после чего сказал, что ему придется обождать полчаса, пока освободится Вульф. На его лице мелькнуло раздражение, но, тут же поняв, что так не продашь ни одного пылесоса, он сказал, что с удовольствием подождет.

Он был в восторге от нашей обстановки и принялся бродить по кабинету, разглядывая все вокруг. Книжки – что за библиотека! Большой глобус – чудо, он всегда мечтал о таком, но никак не собрался приобрести, а теперь обязательно...

Вошел Вульф, увидел его и бросил на меня недовольный взгляд. Действительно, я должен предупредить его о посетителях, чтобы он не появлялся в кабинете не подготовленным к встрече, но ставлю десять против одного, что, если бы я доложил ему о приходе О’Нила, он отказался бы принять его и велел пригласить на вечер вместе со всей компанией, а я вовсе не видел необходимости в еще одной трехчасовой передышке для мозгов Вульфа. Шеф так надулся на меня, что сделал вид, будто не признает рукопожатий. Он лишь наклонил голову, самую малость, так, что, будь на ней кувшин с водой, не пролилось бы ни капли, потом сел, хмуро поглядывая на посетителя, и коротко спросил:

– Итак, сэр?

О’Нила это не встревожило.

– Я восторгаюсь вашим кабинетом, – сказал он.

– Благодарю вас. Но, смею думать, вы явились сюда не ради этого.

– О нет, нет, конечно нет. Будучи председателем банкетной комиссии, я помимо своей воли оказался в гуще событий – я имею в виду убийство этого Буна... Не скажу, что я замешан в нем, это слишком сильное слово, лучше сказать – имею касательство. Действительно, я имею к нему касательство.

– А разве кто-нибудь говорит, что вы замешаны?

– Говорит?! – О'Нил выразил крайнее удивление. – Это не то слово. Полиция считает, что все, кто связан с Ассоциацией промышленников, замешаны в убийстве. Вот почему я утверждаю, что линия поведения исполнительного комитета – в корне неправильна. Не поймите меня превратно, мистер Вульф... – Он умолк, бросив на меня дружелюбный взгляд, словно был уверен в моей поддержке, затем продолжал: – Я являюсь одним из самых прогрессивных членов ассоциации, но идею сотрудничать с полицией, как это делают они, и тратить деньги на частное расследование – считаю вздорной. Мы должны заявить полиции, и заявить недвусмысленно: да, было совершено убийство, и как добрые граждане мы надеемся, что убийца будет изобличен, но мы не имеем к этому никакого касательства.

– И еще заявить, чтобы они больше не приставали к вам.

– Верно. Совершенно верно. – О'Нил был счастлив найти родственную душу. – Я как раз находился в конторе ассоциации, когда они вернулись и сказали, что наняли вас. Я хочу внести ясность, потому что не люблю действовать за чьей-либо спиной. Я не могу с этим согласиться. У нас начался спор, и я заявил, что иду повидаться с вами.

– Превосходно. Хотите уговорить меня отказаться от этого дела?

– О нет. Я понимаю, что это безнадежно. Разве не так?

О'Нил улыбнулся мне, словно желая сказать: «Ну и тонкая штучка твой босс!» – но, не встретив сочувствия, снова повернулся к Вульфу:

– Скажу откровенно, меня привело сюда чувство ответственности. Как председателя банкетной комиссии. Я видел копию письма, которое вам оставил Фрэнк Эрскин, но не знаю подробностей вашей беседы. Однако десять тысяч долларов задатка?! За простое расследование – сумма невообразимая! На своих предприятиях я нанимаю детективов – ну, понимаете, возникают разные взаимоотношения с рабочими, – и меня, вполне естественно, заинтересовало: действительно ли это простое расследование или нет? Я прямо спросил Эрскина – нанял ли он вас для того, чтобы оградить членов нашей ассоциации, ну, как бы это сказать... отвлечь внимание в другую сторону, что ли, и он ответил отрицательно. Но я знаю Фрэнка Эрскина. Его ответ меня не удовлетворил. Так я ему и сказал. К несчастью, у меня есть совесть и сильно развито чувство ответственности. Поэтому я и пришел спросить вас...

Вульф скривил губы, но от смеха или негодования – не могу сказать. Его реакция на оскорбление зависит исключительно от того, как он себя чувствует в данный момент. Когда на него нападает лень, он и бровью не поведет, даже если кто-нибудь скажет, что он специализируется на бракоразводных делах.

– Я тоже отвечу вам отрицательно, мистер О'Нил. Но боюсь, что это вам не поможет. Предположите, что мистер Эрскин и я – мы оба лжем. Не вижу, что вы тут можете поделать, разве отправиться в полицию и обвинить нас в том, что мы препятствуем правосудию. Но ведь вы и полицию не жалуете. Сегодня к девяти часам вечера мы пригласили сюда несколько человек, чтобы обсудить это дело. Почему бы и вам не прийти?

– Я приду. Обязательно приду. Я так и заявил Эрскину.

– Вот и хорошо. Не буду больше вас задерживать. Арчи...

Это было вовсе не так просто. О'Нил еще не собирался уходить. Чувство ответственности удерживало его. В конце концов я все же выпроводил его, не прибегая к силе. Заперев за ним дверь, я вернулся в кабинет:

– Как вы думаете, зачем он сюда явился? Конечно, я понимаю, это он убил Буна, но зачем он тратил и свое время, и наше...

– Это ты его впустил, – кисло отозвался Вульф, – и не предупредил меня. Ты, кажется, забыл, что...

– Ладно, ладно, – весело перебил я. – Все это помогает изучению человеческого характера. Я же и выставил его, не так ли? А теперь нам нужно приготовиться к приему гостей. Их будет человек двенадцать да нас двое...

Я занялся проблемой кресел. Расставив их в художественном беспорядке, я прислонился к стене и хмуро оглядел наш офис. Хотя он был довольно просторный, теперь в нем стало тесно.

– М-да, наш офис нуждается в женской руке, – заметил я.

– Еще чего! – прорычал Вульф.

Глава 9

В четверть одиннадцатого Вульф, полуприкрыв глаза, откинулся в кресле. Совещание длилось уже более часа.

Их было тринадцать человек. Благодаря моей предусмотрительности в отношении мест для сидения, все обошлось без драки. Контингент промышленников расположился в дальней от моего стола половине кабинета, ближе к двери, выходящей в вестибюль, причем Эрскин занимал красное кожаное кресло. Их было шесть человек – четверо, составлявшие дневную делегацию, включая Уинтергофа, который должен был находиться на важном деловом совещании, Хэтти Гардинг и Дон О’Нил.

Ближе ко мне располагались представители Бюро регулирования цен. Их было четверо: миссис Бун, вдова; Нина Бун, племянница; Элджер Кэйтс и незванный Соломон Декстер. Ему было около пятидесяти, скорее меньше, чем больше, и он казался чем-то средним между государственным деятелем и лесорубом. До смерти Буна он являлся его заместителем, а ныне уже сутки исполнял обязанности директора бюро. Он пришел, как заявил Вульфу, по долгу службы.

Между двумя враждебными армиями находились нейтралы, или арбитры: Спиро из ФБР, инспектор Кремер и сержант Пэрли Стеббинс. Я редко видел Кремера таким взбешенным, каким он был к четверти одиннадцатого, так как давно уже сообразил, что Вульф начал свое расследование с пустого места и организовал это сборище исключительно для того, чтобы собрать информацию.

Произошла всего одна безуспешная попытка нарушить мои планы в отношении того, как рассадить гостей. Миссис Бун с племянницей приехали раньше девяти, и так как я не могу пожаловаться на свое зрение, то тут же усадил племянницу в кресло рядом с моим столом. Когда, несколько позже, явился Эд Эрскин, я посадил его в той половине комнаты, которая была оккупирована представителями ассоциации. Мне пришлось несколько раз выйти, чтобы встретить гостей, и, вернувшись в очередной раз в кабинет, я заметил, что Эд бесцеремонно перебрался в мое кресло и беседует с племянницей.

– Эта половина комнаты предназначена для Капулетти, – сказал я, приблизившись. – Пожалуйста, сядьте на свое место.

Он повернул голову и вздел в мою сторону подбородок. Его мутный взгляд не сулил ничего хорошего. Очевидно, он придерживался теории поддержания себя в постоянном градусе опьянения. Справедливости ради скажу, что он не был пьян, но ему и не грозила опасность превратиться в мумию от отсутствия влаги в организме.

– В чем дело? – спросил он.

– Это мое место, – отрезал я, – я здесь работаю. Давайте не устраивать дискуссий.

Он пожал плечами и пересел.

– С кем только не приходится сталкиваться в офисе детективного агентства, – вежливо обратился я к мисс Нине Бун.

– Да, да, сочувствую вам, – отозвалась она.

Не слишком глубокомысленное замечание, однако я улыбнулся ей, желая показать, как ценю ее внимание.

С самого начала, как только Вульф заявил, что он нанят Ассоциацией промышленников, представители Бюро регулирования цен стали поглядывать на него подозрительно и враждебно. Конечно, те, кто читают газеты и слушают радио, в том числе и я, знали, что ассоциация ненавидела Ченни Буна и все, за что он ратовал. Она с радостью вышвырнула бы его на съедение волкам, а сотрудники Бюро цен, со своей стороны, с удовольствием провели бы испытание атомной бомбы над зданием Национальной ассоциации промышлен-

ников. Но до этого вечера я не представлял, насколько были накалены их отношения. К давней вражде примешивались два новых фактора. Первый – убийство Ченни Буна, да к тому же на приеме, устроенном ассоциацией, и второй – надежда, что кто-нибудь из неприятельского стана может оказаться на электрическом стуле.

К четверти одиннадцатого были затронуты многие вопросы. Следует заметить, что позиция бюро состояла в том, что якобы все присутствовавшие в гостиной в тот вечер знали, что Бун находился в комнате за сценой, в то время как промышленники утверждали, что об этом знало не более четырех или пяти человек, не считая присутствовавших там сотрудников бюро. Установить истинное положение вещей было практически невозможно.

Никто не слышал шума из комнаты, где произошло убийство, и не видел, чтобы кто-нибудь входил туда или выходил, за исключением тех, чье посещение было известно и обоснованно.

Никого нельзя было исключить из списка возможных убийц по причине возраста, комплекции или пола. Молодой атлет, конечно, размахнется разводным ключом сильнее и быстрее, чем, скажем, старуха, но оба могут нанести смертельный удар. Тем более что Буна ударили сзади и первый же удар мог оглушить его или даже убить. К тому же никаких следов борьбы не было обнаружено, так же как отпечатков пальцев и других улик.

Джордж Спиро включился в дискуссию и в ответ на саркастическое замечание Эрскина-старшего заявил, что хотя расследование убийств не входит в функции ФБР, но тут особый случай – Бун был убит при исполнении служебных обязанностей, находясь на правительственной службе.

Непонятно, кто мог убить Буна, разве что он сам себя убил, потому что абсолютно у всех было алиби. Говоря «абсолютно у всех», я имею в виду не только присутствовавших в кабинете Вульфа, но всю тысячу четыреста человек, находившихся в отеле «Уолдорф» на приеме. Убийство было совершено в течение получаса, между семью пятнадцатью – когда Фиби Гантер оставила Буну детскую коляску с экспонатами, среди которых были и два разводных ключа, – и семью сорока пятью, когда Эджер Кэйтс обнаружил тело. Полиция тщательно проверила – алиби было у всех. Но записка заключалась в том, что промышленники доказывали алиби промышленников, а представители бюро – членов бюро. Странно, но никто из Ассоциации промышленников не подтверждал алиби сотрудников бюро и наоборот. Взять, к примеру, миссис Бун: ни один из членов ассоциации не мог утверждать, покидала ли она гостиную между семью пятнадцатью и семью сорока пятью. Сотрудники бюро, в свою очередь, ничего не могли сказать о Фрэнке Томасе Эрскине.

Не было также никаких причин для того, чтобы воспрепятствовать Буну произнести его речь. Она была типично буновской, весьма умеренной, не содержащей никаких выпадов и угроз в чей-либо адрес; судя по предварительному тексту, розданному представителям печати, в ней не упоминалась ни одна фамилия, и дополнения, внесенные Буном в последний момент, тоже не содержали ничего такого, что могло бы указать на возможного убийцу.

Новое обстоятельство, о котором ничего не сообщалось в печати, выплыло совершенно случайно благодаря миссис Бун.

Из всех приглашенных к нам не явилась только Фиби Гантер, личная секретарша Буна. Ее имя, конечно, неоднократно упоминалось в течение заседания, но именно миссис Бун открыла нам новое обстоятельство. У меня создалось впечатление, что она проделала это умышленно. До того момента она ничем не привлекала внимания, эта зрелая пышная матрона в летах с пуговкой вместо носа.

Вульф вернулся к вопросу о прибытии Ченни Буна в отель «Уолдорф», и Кремер, который к тому времени кипел от негодования и готов был испариться, саркастически произнес:

– Я пришлю вам экземпляр моих заметок. Пока что Гудвин может записать следующее: Бун с супругой, Нина Бун, Фиби Гантер и Эджер Кэйтс должны были выехать из Вашинг-

тона поездом, отходящим в час дня, но Буна задержало какое-то срочное совещание, и вместе со всеми он выехать не смог. Прибыв в Нью-Йорк, миссис Бун отправилась в отель «Уолдорф», где был заказан номер, а Нина Бун, Фиби Гантер и Эджер Кэйтс поехали в нью-йоркское отделение Бюро регулирования цен. Бун прилетел самолетом на аэродром Лагардия в пять минут седьмого и сразу же отправился в отель. Там к этому времени кроме его жены была и племянница; они втроем спустились в банкетный зал, и их проводили в гостиную. В руках у Буна был небольшой кожаный чемоданчик.

Вот тут-то и выяснилось новое обстоятельство.

– Тот самый чемоданчик, – неожиданно встала миссис Бун, – который мисс Гантер, по ее словам, забыла на подоконнике.

Удивленно взглянул на миссис Бун. Это было первым свидетельством раскола в рядах сторонников бюро, и оно звучало зловеще из-за тона, каким она произнесла «по ее словам». И тут началось!

– Прошу вас, господа! – призвал к порядку Вульф. – Какой чемоданчик?

– Небольшой кожаный чемоданчик, – пришел на помощь Кремер. – Вроде тех, что носят врачи. В нем были валики для диктофона. Это мне рассказала мисс Гантер. Когда она прикатила в комнату к Буну коляску с экспонатами, он сказал ей, что совещание в Вашингтоне закончилось раньше, чем он предполагал, поэтому он заехал в контору и в течение часа работал с диктофоном. Валики с записями он привез в Нью-Йорк в том самом чемоданчике и попросил секретаршу перепечатать их. Она взяла чемоданчик с собой в гостиную и забыла на подоконнике. Вот и все.

– Это она так говорит, – упрямо повторила миссис Бун.

– А вы видели у нее в руках чемоданчик, когда она выходила из гостиной? – спросила Хэтти Гардинг.

Взоры присутствующих обратились к вдове. Она оглядела всех. Одного слова было достаточно: либо она изменница, либо нет. Она недолго размышляла перед подобной альтернативой: встретив взгляд Хэтти Гардинг, миссис Бун отчетливо произнесла:

– Нет.

Все вздохнули. Вульф повернулся к Кремеру:

– Что было надиктовано на валиках? Письма? Распоряжения? Что именно?

– Мисс Гантер не знает. Бун ей ничего не сказал. В Вашингтоне тоже никто не знает.

– А о чем шла речь на том совещании, которое закончилось раньше, чем предполагал Бун?

Кремер пожал плечами:

– С кем совещание?

Кремер и этого не знал.

– Мы пытались узнать в Вашингтоне, – сказал Джордж Спиро, – но безуспешно. Мы также не знаем, где провел Бун время между часом и тремя дня. Единственная догадка, что с ним пожелал встретиться глава вашингтонского отделения Ассоциации промышленников, чтобы обсудить предстоящую речь Буна, однако он отрицает это.

– Опять, черт возьми! – взорвался Бреслоу. – Опять ассоциация! Это глупо с вашей стороны, Спиро, не забывайте, на чьи деньги содержатся сотрудники ФБР! На деньги налогоплательщиков!

И они стали щедро поливать друг друга грязью. Вульфу опять пришлось вмешаться.

– Вам не нравится, что ваша ассоциация упоминается так часто, но тут уж ничего не поделаешь, сэр, – обратился он к Бреслоу. – При расследовании убийства подвергаются сомнению все, у кого имелись мотивы для совершения преступления. Вы слышали, как инспектор Кремер в начале нашей беседы говорил, что тщательное расследование показало отсутствие у убитого личных врагов. Однако вы не станете отрицать, что у мистера

Буна в связи с его служебным положением были враги, и в подавляющем большинстве ими являются члены Ассоциации промышленников.

– Позвольте задать один вопрос, – спросил Уинтергоф. – Разве убийцей всегда является враг убитого?

– Ответьте сами, – отозвался Вульф. – Очевидно, вы для этого и задали вопрос.

– Нет, не всегда, – сказал Уинтергоф. – В порядке иллюстрации своей мысли приведу такой пример. Вы не можете утверждать, что присутствующий здесь мистер Декстер был врагом мистера Буна; напротив, они были друзьями. Но если мистер Декстер был обуреваем стремлением занять пост директора Бюро регулирования цен, – а он им теперь является, – почему бы ему не принять кое-какие меры, чтобы директорское кресло стало свободным? Также очевидно, что для того, чтобы замести следы, он мог умышленно бросить тень на членов организации, которую смертельно ненавидит.

Соломон Декстер улыбнулся ему далеко не по-братски:

– Вы, кажется, хотите быть привлеченным к суду за клевету, мистер Уинтергоф?

– Что вы? Я ведь привел этот пример в порядке иллюстрации своей мысли.

– Во избежание повторения подобных примеров извольте узнать, что в тот вечер я находился в Вашингтоне.

– Мистер Уинтергоф просто высказал свое предположение, – твердо и спокойно сказал Фрэнк Эрскин.

– Одно из многих, – подхватил Бреслоу. – Можно упомянуть и другие. Они общеизвестны, почему же не сказать о них? Вот, например, уже давно поговаривают об отношениях мистера Буна с его секретаршей и о том, потребует миссис Бун развода или нет. Можно задуматься и о довольно резонной, с точки зрения мисс Гантер, мечте, чтобы мистер Бун развелся с женой, хочет того миссис Бун или нет. Что скажете на это инспектор? Разве не закономерно интересоваться подобными вопросами?

Элджер Кэйтс вскочил с места и дрожащим голосом воскликнул:

– Я протестую против подобных инсинуаций! Это непорядочно!

Его лицо побелело от негодования. Я и подумать не мог, что он способен на такое. Это он, заведующий аналитико-статистическим отделом Бюро регулирования цен, привез в отель «Уолдорф» последние данные, которые могли понадобиться Буну для его речи, и обнаружил тело. Если бы я увидел его в метро и меня попросили бы угадать его профессию, я не задумываясь сказал бы «бухгалтер», настолько он был типичен по внешности. Но то, как пылко он встал на защиту чести своего учреждения, не могло не вызвать моей симпатии. Я улыбнулся ему.

Судя по реакции, вызванной его словами, можно было подумать, что промышленники больше всего боятся и ненавидят аналитико-статистический отдел Бюро регулирования цен. Начался галдеж, и они чуть не набросились с кулаками на Кэйтса. Я не мог разобрать ни слова в поднявшемся гаме, кроме возгласа Дона О'Нила:

– Не вмешивайтесь не в свое дело, Кэйтс! Сядьте и заткнитесь!

Повелительный тон О'Нила показался мне довольно странным, ведь Кэйтс состоял на службе не у него. Следом за О'Нилом, изогнувшись в своем кресле, чтобы видеть Кэйтса, Эрскин-старший язвительно заметил:

– Раз вы не считаете президента Ассоциации промышленников заслуживающим доверия и не сообщаете ему о случившемся несчастье, вряд ли вам пристало говорить о порядочности!

Так вот почему они набросились на него! За то, что он сообщил об убийстве Буна в первую очередь управляющему отелем, а не им! Да, пожалуй, ему не следовало так раздражать их.

– Надеюсь, мистер Кэйтс, – продолжал Эрскин, – вам известно, что такие чувства, как ревность, мстительность или зависть, зачастую приводят к насилию, и поэтому вполне естественно говорить о них, коль скоро совершено убийство. Естественно возникает и такой, например, вопрос. Правда ли, что вы намерены жениться на племяннице мистера Буна? И может быть, поэтому, зная его отрицательное отношение, хотели предотвратить...

– Вы лжец! – вскричала Нина Бун.

– Скажу только, что спрашивать меня об этом непорядочно! – дрожащим фальцетом произнес Кэйтс. – Если бы такой вопрос мне задали в полиции, я бы ответил, что частично это соответствует действительности, а частично нет. По меньшей мере двести наших сотрудников были бы счастливы видеть мисс Бун своей женой. К тому же я ничего не знаю о том, как отнесся бы мистер Бун к замужеству своей племянницы. – Кэйтс повернулся, избирая себе новую мишень. – Я хотел бы спросить мистера Вульфа, который получает жалованье от промышленников, не приглашены ли мы сюда для инквизиции, типичной для этой организации?

– А я, – заговорил Соломон Декстер голосом, похожим на гудок паровоза в туннеле, – хотел бы проинформировать мистера Вульфа о том, что он далеко не единственный детектив, состоящий на службе этой ассоциации. Вот уже почти год ответственные сотрудники нашего бюро находятся под наблюдением сыщиков. За ними следят самым бесстыдным образом, пытаюсь отыскать хоть какое-нибудь пятнышко в образе их жизни. Не знаю, принимает ли мистер Вульф участие в этом, но...

Промышленники зашумели. Если бы я своевременно не рассадил их, обе армии, возможно, сошлись бы в рукопашном бою. Вульф казался раздраженным, но не делал попытки прекратить начавшийся кагал, может быть опасаясь, что это потребовало бы больше энергии, чем он хотел израсходовать. Но тут встал с места инспектор Кремер и поднял руку, восстановив тем самым относительную тишину.

– Перед тем как уйти, я хотел бы сказать три вещи, – пробасил он. – Первое. Мистер Декстер, могу вас заверить, что Вульф не имеет ничего общего со слежкой за вашими людьми, потому что подобная работа оплачивается весьма низко. Второе. Мистер Эрскин и вы, джентльмены, полиция хорошо осведомлена, что ревность и все такое прочее зачастую является причиной убийства, и мы не забываем об этом. Третье. Мистер Кэйтс, я знаю Вульфа почти двадцать лет и могу объяснить вам, почему он пригласил всех нас сюда. Просто-напросто потому, что хотел как можно скорее, не выходя из дому и без затрат на бензин, узнать все обстоятельства интересующего всех нас дела. Не могу ничего сказать про вас, но я – глупый сосунок, что явился сюда. – Он обернулся: – Пошли, Стеббинс. Вы идете, Спиро?

Конечно, совещание на этом закончилось. Представители Бюро цен были уже сыты им по горло, но промышленники, во всяком случае большинство из них, готовы были остаться и продолжать бой. Тут уж Вульф воспользовался своим правом вето. Когда все поднялись, Эд Эрскин вновь приблизился к Нине, но, как мне показалось издали, она тут же отшила его. Несмотря на то, что я служил у Ниро, который был нанят враждебной ей Ассоциацией промышленников, мне посчастливилось больше. Когда я сказал, что в этой части города такси достать очень трудно, и предложил отвезти ее и миссис Бун на нашей машине, она ответила:

– Спасибо, но нас обещал захватить мистер Декстер.

Просто, откровенно и дружелюбно.

Однако после того, как все ушли и мы с Вульфом остались одни, выяснилось, что мне все равно не удалось бы проводить ее, даже если бы она согласилась. Я заметил Вульфу:

– Жаль, что Кремер сорвал совещание. Продержи мы их подольше, скажем недели две или три, мы бы могли кое-что разузнать. Очень жаль.

– Все не жаль, – раздраженно отозвался он.

– Да? – изумился я и сел. – Стало быть, наше совещание имело головокружительный успех? Кто, по-вашему, был самый интересный из наших посетителей?

– Мисс Гантер, – ответил он, к моему удивлению.

– Почему?

– Потому что она не пришла. У тебя есть ее адрес?

– Конечно. Я же посылал ей телеграмму...

– Отправляйся и привези ее.

Я посмотрел на него, на часы и снова на него:

– Но уже двадцать минут двенадцатого!

Он кивнул:

– Улицы менее опасны по ночам, меньше движения.

– Не буду спорить. – Я поднялся. – Ассоциация промышленников платит жалованье вам, а не мне. Ничего не поделаешь.

Глава 10

Не в моих правилах делать комплименты молодым женщинам в первые пять минут знакомства, и если сейчас я нарушил это правило, то исключительно потому, что слова сами слетели с моих уст. Когда она открыла мне дверь, а я снял шляпу и вошел, свет падал на ее прическу сзади, и у меня с языка сорвалось:

– Золотой петушок!

– Да, – сказала она. – Я пользуюсь именно этой краской для волос.

Уже в первые десять секунд я увидел, что ее фотографии в газетах несравнимы с оригиналом. Пристроив на вешалку пальто и шляпу, я последовал за ней в гостиную. Не поворачивая головы, она вдруг произнесла:

– Вы уже знакомы с мистером Кэйтсом.

Я решил, что она сказала это так же произвольно, как я сделал свое замечание, но тут же увидел Кэйтса, сидевшего в кресле в затемненном углу комнаты.

– Привет, – сказал я.

– Добрый вечер, – просвиристел он, подымаясь.

– Садитесь. – Фиби Гантер носком поправила загнутый угол ковра. – Мистер Кэйтс приехал рассказать мне о вашем совещании. Что вы предпочитаете? Виски? Водку? Джин? Кока-колу?

– Благодарю. – Я с трудом приходил в себя.

Она села на кушетку:

– Вы пришли посмотреть цвет моих волос или по какому-нибудь другому поводу?

– Извините, если помешал вам...

– Ничего-ничего, не так ли, Эл?

– Нет, вовсе не ничего, – решительно отозвался Эджер Кэйтс, – если вы действительно хотите знать мое мнение. Не доверяйте ему. Он состоит на службе у промышленников.

– Вы говорили мне об этом. – Мисс Гантер поудобнее устроилась на кушетке. – Но раз ему нельзя доверять, нам остается быть чуть-чуть умнее его, чтобы узнать у него больше, чем он хочет выяснить у нас. – Она посмотрела на меня, и мне показалось, что она улыбается, но я тут же сообразил, что никаких заключений делать нельзя, так подвижно было ее лицо, особенно рот. Итак, она посмотрела на меня, *возможно*, с улыбкой:

– У меня есть своя теория относительно мистера Кэйтса. Он мыслит категориями, которые были в ходу задолго до его рождения. По-видимому, любит читать старомодные романы, а мне кажется, что руководителю аналитико-статистического отдела вообще не следует читать романы. Надеюсь, вы не будете оспаривать это?

– Я не дискутирую с людьми, которые мне не доверяют, – вежливо отпарировал я, – но, думается, вы неправы.

– Неправа? Относительно чего?

– В отношении того, что вы умнее меня. В возрасте двенадцати лет я уже был чемпионом Зейнсвилла, штат Огайо, по правописанию.

– Как пишется слово «самоуверенность»?

– Детская задачка. – Я взглянул на нее. – Не думаю, что вы считаете, будто поимка преступников – это такая работа, которой следует стыдиться.

Я умолк, потому что она, *возможно*, смеялась надо мной, и только смотрел на нее. Это было глупо, потому что именно лицезрение ее внешности мешало моему мыслительному процессу.

– Сдаюсь, – сказал я. – Вы смутили мой покой. Первый раунд за вами. Начинаем второй раунд. Может быть, мистер Кэйтс искренне считает, что нам нельзя доверять, но он

в корне неправ. Ниро Вульф ловок и хитер, я признаю это, но как можно подумать, что ради денег он согласится покрыть убийцу?! Это полный идиотизм! вспомните и скажите, был ли хоть один случай, чтобы из-за денег он отказался от поисков преступника? Предлагаю вам выбор: если вы считаете или знаете, что Буна убил кто-нибудь из сотрудников вашего бюро и не хотите, чтобы это было раскрыто, немедленно выставите меня и держитесь как можно дальше от Вульфа. Если же думаете, что убийство совершено кем-либо из Ассоциации промышленников, и хотите помочь найти убийцу – одевайтесь и поедem к Вульфу.

Я повернулся к Кэйтсу:

– Если же вы убили Буна и из чувства порядочности предпочитаете молчать, советую вам поехать с нами и чистосердечно во всем признаться.

– Слышите? Я вам говорил! – торжественно воскликнул Кэйтс, обращаясь к мисс Гантер.

– Не глупите, – досадливо сказала она. – Я вам все объясню. Поняв, что я умнее его, мистер Гудвин решил отыграться на вас. Знаете, вам лучше уйти. Предоставьте все мне. Увидимся завтра в конторе.

– Нет! – решительно затряс головой Кэйтс. – Он замучает вас. Я не могу позволить, чтобы...

Он говорил долго, но мне вовсе незачем излагать его речь, так как мисс Гантер поднялась с кушетки, подошла к вешалке и сняла его пальто и шляпу. Мне показалось, что в некотором отношении она никак не подходила к должности личного секретаря. Секретарша всегда должна ходить взад и вперед, приносить и уносить бумаги, вводить и провожать посетителей. А если она вызывает постоянный соблазн следить за тем, как она двигается, о какой продуктивной работе может идти речь?!

Кэйтс, конечно, сдался. Две минуты спустя дверь за ним захлопнулась, и мисс Гантер заняла свое место на кушетке. Я попытался собраться с мыслями, и, когда она, *возможно*, улыбнулась и сказала, чтобы я продолжал обучать ее таблице умножения, поднялся и попросил разрешения воспользоваться телефоном.

Сев спиной к мисс Гантер, я набрал номер. Так как Вульф не терпит трезвона, он незамедлительно поднял трубку.

– Это вы, шеф? Говорит Арчи. Я здесь, у мисс Гантер, и мне думается, что ваша затея привезти ее к нам – не из самых удачных. Во-первых, она чертовски умна, но дело не в этом. Она принадлежит к категории тех женщин, о которых я мечтаю последние десять лет, помните, я вам рассказывал? Не скажу, что она красива, это дело вкуса, но отмечу, что она соответствует моему идеалу. Поэтому будет лучше, если я поговорю с ней здесь. Ложитесь спать. Утром я вам обо всем доложу.

Я обернулся к кушетке, но не увидел мисс Гантер. Она стояла перед зеркалом в прихожей, в темно-синем пальто с лисьим воротником, пристраивая на голову какое-то темно-синее сооружение.

– Пошли! – небрежно сказала она.

– Куда?!

– Не валяйте дурака. – Она отвернулась от зеркала. – Вы же лезли из кожи вон, чтобы уговорить меня поехать к Ниро Вульфу, и вам это удалось. Второй раунд ваш. Когда-нибудь мы сыграем роббер-другой в бридж. А пока что я еду к Вульфу, и нам придется отложить бридж до лучших времен. Я очень рада, что вы не считаете меня красивой. Ничто так не раздражает женщину, как слова о том, что она красива.

Пока я надевал пальто, она открыла дверь. По пути к лифту я попытался объясниться: «Я не сказал, что вы некрасивы, я сказал...»

– Я слышала, что вы сказали. Вы расстроили меня. Это больно слышать даже от незнакомца, который к тому же может оказаться врагом. Я тщеславна, в этом мое несчастье. Я считаю себя красавицей.

Мне хотелось бы что-нибудь сказать, но я заметил, как у нее дернулся уголок рта, *возможно*, в усмешке, и промолчал. Из всей этой истории пока ясным было одно: она чертовски хороша.

По дороге на Тридцать пятую улицу мисс Гантер поддерживала со мной светскую беседу, словно я не состоял на службе у промышленников. Войдя в дом, мы нашли кабинет пустым. Я оставил гостью и отправился на розыски Вульфа. Он был на кухне и обсуждал с Фрицем меню на завтра. Я сел на стул, думая о мисс Гантер и ожидая, пока Вульф и Фриц закончат свое дело. Наконец Вульф заметил мое присутствие:

– Она здесь?

– Конечно. Поправьте галстук и причешитесь.

Глава 11

В четверть третьего ночи Вульф взглянул на стенные часы и со вздохом сказал:

– Что ж, мисс Гантер, готов выполнить свою часть договора. Я обещал ответить на ваши вопросы после того, как вы ответите на мои. Спрашивайте.

Мне некогда было любоваться ею: по распоряжению Вульфа я вел стенографическую запись беседы и уже исчеркал пятьдесят четыре страницы. Вульф пребывал в настроении, которое я называю «загляни-под-каждый-камень», и некоторые записи не имели никакого касательства к убийству Буна. Правда, кое-что могло оказаться полезным. Главным образом, ее рассказ о том, что она делала в прошлый вторник.

Она ничего не знала о совещании, которое задержало Буна в Вашингтоне, и это удивляло ее: обычно она была в курсе всех его дел. В Нью-Йорке вместе с Эджером Кэйтсом и Ниной Бун она отправилась в отделение Бюро регулирования цен. Кэйтс пошел в аналитико-статистический отдел, а они с Ниной принялись помогать сотрудникам бюро отбирать на складе товары, нужные для иллюстрации предстоящей речи Буна. Там был огромный ассортимент всего, начиная от зубочисток и кончая пишущими машинками, и только к шести часам они управились с работой, отобрав два консервных ножа, два разводных ключа, две рубашки, две авторучки и детскую коляску. Ей помогли вынести все это на улицу, уложили в такси, и она поехала в отель «Уолдорф». Нина отправилась туда раньше. Там мисс Гантер узнала, что Бун готовится к выступлению в одной из комнат за сценой, и представитель Ассоциации промышленников, генерал Эрскин, проводил ее туда.

– Генерал Эрскин? – переспросил Вульф.

– Да. Эд Эрскин, сын президента ассоциации.

Я фыркнул.

– Он бригадный генерал, – объяснила она. – Один из самых молодых генералов в авиации.

– Вы с ним знакомы?

– Нет, но видела его однажды или дважды. Я его терпеть не могу. – На этот раз я не сомневался: она не улыбалась. – Я ненавижу всех, кто связан с Ассоциацией промышленников.

– Понятно. Продолжайте.

Эд Эрскин прикатил коляску к двери и распрощался. Фиби Гантер пробыла у Буна не больше двух минут. Полиция потратила много часов из-за этих двух или трех минут, последних минут жизни Буна. Вульф израсходовал на них две странички моего блокнота. Бун был сосредоточен и хмур больше обычного – ничего удивительного в данной ситуации. Он вытащил из коляски рубашки, разводные ключи и все прочее, разложил на столе, просмотрел сопроводительные документы, напомнил мисс Гантер, чтобы во время его выступления она сверялась по напечатанному тексту и отмечала все отклонения, если он их сделает. Затем он отдал ей чемоданчик с валиками и попросил оставить его одного.

Она вернулась в гостиную, выпила два коктейля подряд, вместе со всеми проследовала в банкетный зал, отыскала стол № 8, зарезервированный для представителей Бюро регулирования цен, и села. Тут она вдруг вспомнила, что забыла чемоданчик на подоконнике в гостиной. Она никому не сказала об этом, не желая признаваться в своей оплошности, и, извинившись перед сидевшей рядом миссис Бун, хотела было выйти из-за стола, но Фрэнк Томас Эрскин объявил в микрофон:

– Леди и джентльмены, с глубоким прискорбием вынужден сообщить вам известие, по причине которого никому не разрешается покинуть зал...

Лишь спустя час ей удалось попасть в гостиную, но чемоданчика там не оказалось.

Бун говорил ей, что в чемоданчике находятся надиктованные им валики. Вот и все, что было ей известно. Ничего нет странного в том, что он не рассказал ей содержания валиков, – она и так бы его узнала. Для текущей работы мистер Бун пользовался услугами нескольких стенографисток, но самые важные письма и распоряжения, которые могли содержать конфиденциальные сведения, он записывал на диктофон и давал перепечатывать только ей. Всего было двенадцать таких чемоданчиков с десятью валиками в каждом, и они постоянно путешествовали между мистером Буном и ею. Чемоданчики были занумерованы. Пропал номер четвертый. Диктофон, которым пользовался мистер Бун, – фирмы «Стенофон».

Мисс Гантер признала, что совершила ошибку. До среды она никому не говорила о пропаже, пока полиция не спросила, что лежало в чемоданчике, с которым она пришла в гостиную. Конечно, какая-нибудь крыса из Ассоциации промышленников донесла об этом полиции. Она объяснила свое молчание тем, что ей было стыдно признаться в халатности, заметив, однако, что молчание не принесло никакого вреда, так как содержимое чемоданчика не могло иметь связи с убийством.

– Четыре человека утверждают, что чемоданчик был у вас, когда вы из гостиной направились в зал, – прошептал Вульф.

Слова Вульфа не произвели на Фиби Гантер никакого впечатления. Она пила виски, разбавленное водой, и курила сигарету.

– Кому вы верите – мне или им? Меня несколько не удивит, если не четыре, а сорок человек из ассоциации заявят, что подглядывали в замочную скважину и видели, как я убила мистера Буна.

– Но миссис Бун не имеет отношения к ассоциации.

Фиби пожала плечами:

– Мистер Кэйтс рассказал мне: она недолюбливает меня. Ей была ненавистна мысль, что ее муж зависит от меня. Обратите внимание – она не утверждает, что видела у меня чемоданчик, когда я выходила из гостиной.

– А в чем мистер Бун зависел от вас?

– Я была исполнительницей его распоряжений.

– Понимаю, – тихо сказал Вульф. – Но что он видел от вас? Покорность? Лояльность? Дружбу? Счастье? Удовлетворение страстей?

– О боже! – Лицо ее исказила гримаса. – Можно подумать, что эти вопросы задает жена какого-нибудь конгрессмена... Мистер Бун видел во мне квалифицированного работника. – Она всплеснула руками. – Неужели вы тоже читаете старомодные романы... Что ж, если вы желаете знать, находилась ли я в интимной связи с мистером Буном, отвечу: нет. Во-первых, у него не было времени для флирта, – так же, впрочем, как и у меня; во-вторых, он был не в моем вкусе. Правда, я поклонялась ему.

– Да?

– Да, – ответила она с ударением. – Он имел дурной характер, был толст, вечно обсыпан перхотью и доводил меня чуть ли не до сумасшествия своими попытками соблюдать режим. Но это был самый честный, самый хороший человек, какого я только знала. И он боролся с грязной шайкой свиней и мошенников. Да, я поклонялась ему, но что касается других чувств...

Казалось, с вопросом о чувствах было покончено. Заполняя страницу за страницей в своем блокноте, я спросил себя, насколько я верю ее словам, и когда понял, что стрелка моей веры достигла отметки «90» и все продолжала ползти вверх, – дисквалифицировал себя за пристрастие.

У Фиби сложилось определенное мнение относительно убийства. Она не сомневалась, что Буна убил кто-то из членов Ассоциации промышленников, причем в одиночку. Он мог

быть из тех, кому мешала деятельность Буна как руководителя Бюро регулирования цен или чьи интересы он ущемил. Преступника не заботило, в какое положение он поставит ассоциацию. Поэтому Фиби Гантер соглашалась с Вульфом, что промышленники заинтересованы в поимке убийцы.

– Не означает ли это, – спросил Вульф, – что вы лично и ваше Бюро цен предпочли бы, чтобы убийца не был обнаружен?

– Как вам сказать... – пожала она плечами. – Однако, вопреки логике, я хочу, чтобы его поймали.

– Понятно, вы же так высоко ценили мистера Буна... Но в таком случае почему вы не пришли вчера вечером?

То ли у нее был заранее заготовлен ответ, то ли ей не надо было его придумывать, но она тут же сказала:

– Не хотелось. Я очень устала и не знала, кого могу встретить у вас. Я уже ответила на тысячи вопросов в полиции и в ФБР и хотела отдохнуть.

– Однако с мистером Гудвином вы все же приехали...

– Конечно. Любая усталая женщина отправилась бы с мистером Гудвином куда угодно, потому что с ним ей не пришлось бы ни о чем думать. – Даже не взглянув в мою сторону, она продолжала: – Однако я не собиралась провести здесь всю ночь, а время уже позднее. Не пришел ли мой черед задавать вопросы?

Именно в это время Вульф взглянул на часы и со вздохом сказал: «Спрашивайте»

Она переменила позу, пригубила бокал, эффектно откинула голову на спинку кресла и спросила безразличным тоном:

– Кто договаривался с вами от имени Ассоциации промышленников, на что вы дали согласие и сколько они посулили вам за труды?

Вульф растерялся и не мигая уставился на нее:

– О нет, мисс Гантер, так дело не пойдет!

– Почему? Мы ведь договорились!

Вульф понял, что попался в ловушку.

– Ладно, ничего не напишешь... Ко мне приехали мистер Эрскин с сыном, мистер Бреслоу и мастер Уинтергоф. Затем появился мистер О'Нил. Они наговорили с три короба, но, главное, – наняли меня произвести расследование. Я дал согласие попытаться найти убийцу. Во что...

– Независимо от того, кто бы он ни был?

– Да. Не перебивайте. Во что им обойдется мое содействие, покажет будущее. Мой гонорар будет прямо пропорционален расходам.

– Не пытались ли они навязать вам мысль, что убийца не принадлежит к их ассоциации?

– Нет.

– Не создалось ли у вас впечатления, что они подозревают какое-либо определенное лицо?

– Нет.

– Не считаете ли вы, что убийцей является один из них?

– Нет.

– Все нет и нет! Вы ведете нечестную игру! – возмутилась она.

– Я отвечаю на ваши вопросы и не сказал ни слова неправды. Сомневаюсь, что вы были так же честны в отношении меня.

– В чем же я вас обманула?!

– Пока не знаю, но узнаю. Продолжайте.

– Простите, – вмешался я, – но еще не было прецедента, чтобы вас допрашивал человек, подозреваемый в убийстве. Следует ли мне все это записывать?

Он даже не посмотрел в мою сторону:

– Продолжайте, мисс Гантер. Мистер Гудвин не мог упустить случая, чтобы не назвать вас подозреваемой в убийстве.

Она тоже игнорировала меня.

– Не считаете ли вы, – спросила она, – что использование в качестве орудия убийства разводного ключа свидетельствует о непреднамеренном убийстве? Ведь никто не знал, что там окажется ключ.

– Нет, не считаю.

– Почему?

– Потому что убийца мог явиться вооруженным, но, увидев разводной ключ, решил воспользоваться им.

– И все же, могло ли убийство быть непреднамеренным?

– Да.

– Не создалось ли у вас впечатления, что кто-нибудь из Ассоциации промышленников знает, кто взял чемоданчик?

– Нет.

– Или где он сейчас находится?

– Нет.

– Подозреваете ли вы кого-нибудь?

– Нет.

– Почему вы послали мистера Гудвина за мной? Почему именно за мной, а не за кем-либо другим?

– Потому что вы не ответили на мое приглашение и я хотел узнать почему.

Она замолчала, осушила бокал до дна и пригладила волосы.

– Все это чушь, – подчеркнуто произнесла она. – Я могу неделю подряд задавать вам вопросы, но откуда мне знать, говорите ли вы правду? Вы утверждаете, например, что вам неизвестно, что стряслось с чемоданчиком и где он находится, а он, возможно, спрятан в этой самой комнате, может быть даже в вашем письменном столе. – Она посмотрела на бокал, увидела, что он пуст, и поставила на столик.

Вульф кивнул:

– Я находился в таком же невыгодном положении, когда расспрашивал вас.

– Но мне незачем вам врать!

– Фу! У людей всегда есть причина что-нибудь скрывать. Продолжайте.

– Не стоит. – Она поднялась и оправила юбку. – Это бесполезно. Лучше поеду домой и лягу спать. Посмотрите на меня. Похожа на измотанную каргу?

Это снова обескуражило Вульфа. Его отношение к женщинам было таково, что они редко спрашивали его, как они выглядят.

– Нет, – буркнул он.

– Опять «нет», – улыбнулась она. – А я измотана до предела. Но обычно чем больше я устаю, тем меньше это заметно. Во вторник я пережила самое большое потрясение в жизни, и с тех пор ни разу еще не заснула по-настоящему. – Она обернулась ко мне: – Скажите, пожалуйста, где легче всего поймать такси?

– Я вас отвезу, – сказал я. – Мне все равно нужно поставить машину в гараж.

Она пожелала Вульфу спокойной ночи, мы оделись, вышли и сели в машину. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза.

– Итак, вы имели успех у Ниро Вульфа, – заметил я.

Она промолчала.

В конце Сороковых улиц нас задержал светофор.

– Кажется, у меня сейчас начнется истерика, – сказала она. – Не пугайтесь.

Я посмотрел на нее. В жизни не видел человека, столь далекого от истерики. Когда я остановил машину перед ее домом, она выпорхнула на тротуар – я не успел даже пошевелиться – и протянула мне руку:

– Спокойной ночи. Или это является нарушением ваших правил – пожать руку человека, подозреваемого в убийстве?

Она скрылась в подъезде.

Когда я поставил машину в гараж и вернулся домой, то зашел в кабинет, чтобы проверить, хорошо ли заперт сейф. На моем столе лежала нацарапанная рукой Вульфа записка: «Арчи, впредь не встречайся с мисс Гантер без моего указания. Умная женщина всегда опасна. Мне не нравится все это дело, и завтра я решу, не отказаться ли от него и от аванса. Утром вызови Сола Пензера и Гоура. *Н. В.*».

Противоречивость записки свидетельствовала о том, в какой растерянности пребывал шеф. Ставка Пензера составляла тридцать долларов в день, а Биля Гоура – двадцать, не говоря уж о неизбежных текущих расходах. То, что Вульф пошел на такие издержки, уже само говорило о том, что задаток он не вернет. Просто он хотел, чтобы я посочувствовал ему.

Глава 12

Каким сложным оказалось это дело, я понял еще яснее на следующее утро, когда в одиннадцать часов Вульф спустился из оранжереи и принялся инструктировать Сола Пензера и Билия Гоура.

Тем, кто только видел, но не знал Сола Пензера, он мог показаться невзрачным, дурно выбритым, маленьким носатым человечком. Для тех, кто его знал, – для Вульфа и для меня, например, – внешность Сола ничего не значила. Он был одним из лучших детективов в Нью-Йорке и, хотя работы у него хватало, никогда не отказывал Вульфу в помощи. В это утро он сидел в кресле, держа на коленях выдающую вида кепку и ничего не записывая, так как всегда полагался на свою память, слушал Вульфа. Шеф обрисовал в общих чертах положение дел и велел Солу провести в отеле «Уолдорф» столько часов или дней, сколько понадобится, прислушиваясь и принимаясь ко всему и не упуская из виду никого и ничего.

Биль Гоур был мощного телосложения, крепко сбитый парень. Он получил задание отправиться в Ассоциацию промышленников и собрать кое-какие сведения. Вульф предварительно созвонился с Эрскином и заручился его содействием.

– Неужели дела обстоят так плохо? – спросил я, когда они ушли.

– Почему плохо? – нахмурился Вульф.

– Вы прекрасно знаете почему! Пятьдесят долларов в день на обедки! Что в этом гениального?

– А что может поделывать гений в этой людской сутолоке?! Больше тысячи человек, у которых имеются мотивы для убийства и возможность его совершить... Черт меня дернул поддаться на твои уговоры!

– Нет уж, сэр! Даже не пытайтесь! – твердо сказал я. – Когда я прочитал вашу записку, я сразу понял, что вы захотите взвалить всю вину на меня. Признаюсь, не думал, что дело так безнадежно, пока не услышал, как вы приказывали Солу и Билию лазать по всем дырам, которые полиция давно обшарила. Если вы не хотите признаться в том, что побиты, вы еще можете выкрутиться. Я выпишу чек на десять тысяч долларов, а вы продиктуете мне письмо, в котором сообщите промышленникам, что в связи с заболеванием коклюшем, или лучше свинкой, вы...

– Заткнись! – рассердился он. – Как я могу вернуть деньги, которые не получал?

– Вы их получили. Чек пришел с утренней почтой, и я внес всю сумму на депозит.

– Боже мой! Они в банке?

– Да, сэр.

Он яростно надавил на звонок, чтобы Фриц принес ему пива. Никогда раньше мне не доводилось видеть его в состоянии, столь близком к панике.

Во избежание недоразумений мы получаем газеты в двух экземплярах, и, положив перед Вульфом его порцию, я сел за стол со своей. Сперва я принялся за «Газетт» и на первой же полосе увидел заголовки, сулившие интересные новости. Миссис Бун снова порадовала нас.

Кажется, я еще не упоминал о бумажнике Буна. Это потому, что его пропаша не могла иметь к убийству никакого отношения. Денег в нем Бун не носил, он держал их в портмоне, в заднем кармане брюк. В бумажнике были только его права на вождение машины и фотография жены в подвенечном наряде.

Новость, о которой сообщала «Газетт», заключалась в том, что сегодня утром миссис Бун получила по почте конверт, в котором находились автомобильные права мистера Буна и ее фотокарточка.

– Интересно, – нарочито громко произнес Вульф, желая привлечь мое внимание.

– Если бы мисс Гантер не связала меня по рукам и ногам, я бы съездил к миссис Бун за этим конвертом, – как бы между прочим заметил я.

– Его уже исследуют со всех сторон в лаборатории у Кремера, – буркнул Вульф, и мы снова уткнулись в газеты.

До самого вечера не произошло никаких событий. После ужина, когда мы вернулись в кабинет – это было незадолго до девяти часов, – принесли телеграмму. Я вскрыл ее и протянул Вульфу. Прочитав, он вернул ее мне. В телеграмме говорилось: «НИРО ВУЛЬФУ ЗАПАДНАЯ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ УЛИЦА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛАЮТ НЕВОЗМОЖНОЙ ДАЛЬНЕЙШУЮ СЛЕЖКУ ЗА О’НИЛОМ ОДНАКО ЭТО НЕОБХОДИМО ХОТЯ НИКАКИХ ГАРАНТИЙ НЕЛЬЗЯ ДАТЬ БРЕСЛОУ».

Я вопросительно воззрился на Вульфа.

– Может быть, ты будешь любезен рассказать, что еще предпринял без моего ведома? – устало произнес он.

Я усмехнулся:

– Это вы расскажете мне, по какой ставке вы наняли Бреслоу.

– Стало быть, ты не в курсе?

– Нет. А вы?

– Свяжись с Бреслоу по телефону.

Это оказалось не так просто. В конце концов я вновь обратился к Лону Коэну в редакцию «Газетт» и через три минуты соединил Вульфа с Бреслоу, а сам взял параллельную трубку.

Даже по телефонному разговору можно было предположить, какое раздраженное лицо у Бреслоу и как его всего распирает от гнева.

– Да. Вульф? Удалось что-нибудь разузнать? Да? Да?

– Я хочу задать вам вопрос.

– Да? Что за вопрос? Да?

– Дайте же мне говорить! Скажите, когда вы будете готовы выслушать меня.

– Я готов. Черт возьми, в чем дело? Какой вопрос?

– Я хочу спросить о телеграмме, которую вы мне послали...

– Телеграмма? Какая телеграмма?! Я не посылал никакой телеграммы!

– Так я и знал. Произошла ошибка. Неправильно указана подпись. Я ждал телеграммы от человека по фамилии Брестоу. Извините, что потревожил вас. До свидания.

Бреслоу пытался продлить агонию, но Вульф повесил трубку.

– Итак, – заметил я, – он не посылал телеграммы. Но кто же?! И почему она подписана его фамилией?

Вульф посмотрел на стенные часы. Было начало десятого.

– Узнай, дома ли О’Нил. Только спроси. Разговаривать буду я.

Вульф на минуту задумался:

– Нет. Пожалуй, оставим его в покое на ночь. Примешься за него с утра, когда он выйдет из дому.

Глава 13

Наружное наблюдение, да еще в одиночку, в условиях Нью-Йорка может окончиться чем угодно, в зависимости от обстоятельств. У вас могут высохнуть мозги и невыносимо заболеть мышцы от напряженной десятичасовой слежки, во время которой вы прибегаете ко всем известным уловкам и ухищрениям и изобретаете новые, лишь бы не потерять из виду объект, и вдруг в одну секунду вы упускаете его из-за какой-нибудь мелочи, которую никто никогда не мог бы предусмотреть. Можно потерять его и в первые пять минут, особенно если он подозревает, что за ним следят. Зайдет в какую-нибудь контору или гостиницу и проведет там весь день – плевать ему на то, что вы треплете себе нервы.

Тут ничего нельзя загадывать заранее, но я ожидал, что проведу день впустую, тем более что было воскресенье. Вскоре после восьми утра я уже сидел в такси на Парк-авеню в районе Семидесятых улиц, в полусотне шагов от парадной двери дома, где проживал О'Нил. Я готов был побиться об заклад, что останусь на том же месте и шесть часов спустя, и двенадцать, хотя и допускал слабую возможность, что в одиннадцать утра мы отправимся в церковь, а в два – обедать в какой-нибудь ресторан.

Я даже не мог позволить себе удовольствия почитать воскресные выпуски газет, потому что не сводил глаз с подъезда. Шофер такси, мой старый приятель Герб Аронсон, не мог быть мне полезен, так как никогда не видел О'Нила. Время тянулось медленно, мы болтали о том о сем, и Герб почитывал мне вслух статейки из «Таймс».

В десять часов мы решили заключить пари. Надо было написать на бумажке время, когда наш объект высунет нос из своего убежища, и тот, кто больше ошибется, заплатит другому по центу за каждую проигранную минуту. Герб уже протягивал мне клочок газеты, чтобы я написал на нем свое время, как вдруг на тротуаре возник Дон О'Нил.

– Отложим, – сказал я. – Вот он.

Что бы ни предпринял сейчас О'Нил, все ставило нас в затруднительное положение. Привратник уже обратил на нас внимание, даже пытался позвать Герба для какого-то пассажира. О'Нил бросил в нашу сторону взгляд, и я прижался в угол, чтобы он меня не заметил. Потом он что-то сказал привратнику, и тот в ответ покачал головой. Хуже этого ничего не могло быть, разве что О'Нил направился бы к нам и увидел меня.

– Паршиво, – заметил Герб. – Он ждет такси, и нам придется последовать за ним, а когда он вернется, привратник скажет, что за ним следят.

– Что же прикажешь делать? – озлился я. – Переодеваться цветочницей и торговать на углу фиалками? В следующий раз ты сам разработаешь операцию. Кто знает, может быть, мы еще схватим его по обвинению в убийстве? Хотя мне лично кажется, что вся эта идея слежки за ним – пустая идея. Заводи! Он садится в такси!

Мы двинулись следом.

– Чушь какая-то, – проворчал Герб. – С тем же успехом мы можем подъехать к нему и спросить, куда он держит путь.

– Помалкивай, – оборвал я. – У него нет причин думать, что за ним следят, если его кто-нибудь не спугнул, – вот тогда наше дело швах. Держись поближе, чтобы не отстать на светофорах.

Герб хорошо знал свое дело. Движение в воскресное утро было небольшое, и вскоре следом за О'Нилом мы выехали на Сорок шестую улицу. Там О'Нил свернул влево. Через квартал, на Лексингтон-авеню, он снова свернул и остановился перед Центральным вокзалом. Герб тоже затормозил. Нас разделяли две машины. Выходя, я подмигнул Гербу: «Ну, что я тебе говорил? Он хочет бежать! Увидимся на суде».

Как только О'Нил рассчитался с таксистом и направился в здание вокзала, я последовал за ним. Я все еще не верил, что эта затея к чему-нибудь приведет. С большей приятностью я провел бы воскресенье у друзей в Гринвич-Виллидж за покером и виски. Тем временем О'Нил, ничего не подозревая, шагал по длинному коридору, затем пересек главный вестибюль с уверенностью человека, имеющего перед собой определенную цель. Наконец он свернул, но не к выходу на платформу, а к лестнице, ведущей наверх, в почтовое отделение. Я убавил шаг, не упуская О'Нила из виду. Он подошел к окошку, протянул квитанцию и минуту спустя получил посылку.

Хотя я находился метрах в двадцати пяти от О'Нила, посылка сразу насторожила меня. Это был небольшой квадратный кожаный чемоданчик. Он взял его и направился к выходу. Теперь я не столько боялся быть обнаруженным, сколько потерять О'Нила. Я буквально наступал ему на пятки. Он вдруг остановился, сунул свою ношу под пальто, прижал поплотнее рукой и застегнулся на все пуговицы. Потом, вместо того чтобы вернуться к подъезду, выходящему на Лексингтон-авеню, он пошел к выходу на Сорок вторую улицу и, выйдя, направился к отелю «Амбасадор», где обычно стояли такси. Меня он не видел. Вскоре подошло такси, он сел и хотел было захлопнуть дверцу, но я решил, что дальше так дело не пойдет. Конечно, было бы не худо узнать адрес, который он дал шоферу, но я понимал, что если из-за какой-нибудь случайности потеряю из виду кожаный чемоданчик, то мне придется искать другую работу. Я подбежал и придержал дверцу:

– Мистер О'Нил, привет! В центр! Не подвезете?

Не дожидаясь приглашения, я уселся рядом с ним и, желая быть хоть сколько-нибудь полезным, захлопнул дверцу.

О'Нил явно забеспокоился:

– Гудвин? Откуда вы взялись? Я не... Я еду в противоположном направлении.

– Неважно, – сказал я. – Я просто хотел задать вам несколько вопросов относительно чемоданчика, который вы прячете под пальто. – И добавил, уже шоферу: – Езжайте. На Восьмой улице повернете налево.

– Решайте, в конце концов, куда вам нужно! – Шофер раздраженно обернулся и взглянул на меня. – Это не ваша машина. Что вообще тут происходит? Ограбление?

– Все в порядке, – успокоил его О'Нил. – Это мой приятель. Езжайте.

Машина тронулась. Мы молчали. О'Нил нагнулся к шоферу и сказал:

– На Пятой авеню сверните направо.

Тот недовольно передернул плечами, но промолчал и, когда мы выехали на Пятую авеню, свернул вправо.

– Ладно, – сказал я, – как вам будет угодно. Но я думал сэкономить, время и поехать прямо к Ниро Вульфу. Он проявляет большой интерес к этому чемоданчику. Конечно, спорить в такси не стоит, тем более мы не приглянулись шоферу.

О'Нил снова наклонился и дал водителю свой домашний адрес. Поразмыслив в течение трех кварталов, я решил голосовать против. Из оружия при мне был только перочинный ножик. Наблюдая за домом О'Нила с восьми утра, я догадался, что у него не собирается заседание исполнительного комитета Национальной ассоциации промышленников, но если они там, и особенно если там генерал Эрскин, то от меня потребуются слишком большие усилия, чтобы уйти оттуда с чемоданчиком. Поэтому, понизив голос, я обратился к О'Нилу:

– Если шофер сознательный гражданин и из нашего разговора поймет, что тут дело связано с убийством, он остановится возле первого же полисмана. Может быть, вы этого хотите – вмешательства полиции? Тогда вам будет полезно узнать, что идея отправиться к вам домой мне не по душе, поэтому, если вы будете настаивать, мне придется показать привратнику свое удостоверение и попросить его позвонить в девятнадцатый полицейский участок на Сто тридцать пятой улице. Представляете, как переполошится ваш дом?

Так почему бы нам не посидеть на скамеечке в парке? Погреемся на солнышке и обговорим все без свидетелей. Я понимаю, что выражает ваш взгляд, но учтите: я на двадцать лет моложе вас и каждое утро делаю зарядку.

Он насупился и буркнул шоферу:

– Остановитесь.

Хотя я сомневался, что у него было оружие, но, не желая, чтобы он шарил по карманам, сам рассчитался за такси. Когда машина отъехала, мы перешли через дорогу в Центральный парк и уселись на скамье.левой рукой он поддерживал под пальто чемоданчик.

– Если вы позволите осмотреть мне его снаружи и внутри, это упростит дело, – сказал я.

– Послушайте, Гудвин, – он тщательно подбирал слова. – Я не буду высказывать негодование по поводу того, что вы следили за мной, и все такое прочее. Я только хочу объяснить вам, как чемоданчик – совершенно законным путем, учтите, – оказался у меня. Я не имею ни малейшего представления, что там находится, однако...

– Давайте посмотрим, – перебил я.

– Нет! – категорически отрезал он. – Насколько вам известно, чемоданчик принадлежит мне...

– Вот как?!

– Именно так. И я вправе осмотреть его сам, без посторонних. Я говорю не о юридическом, а о моральном праве. Вы предложили обратиться в полицию, с точки зрения закона правда, возможно, на вашей стороне. Но ведь вы сами предложили отправиться к Ниро Вульфу? Вы считаете, что полиция отнесется к этому благосклонно?

– Зато благосклонно отнесется Вульф.

– Не сомневаюсь, – О'Нил продолжал настойчиво гнуть свою линию. – Вот видите, ни вы, ни я не желаем вмешательства полиции. Наши интересы совпадают. Давайте взглянем на дело с вашей точки зрения... Вы хотите приехать к своему шефу и сказать: «Вы послали меня выполнить то-то и то-то, я все сделал, вот вам результаты», – и передать ему чемоданчик. Вот чего вы хотите. Так?

– Совершенно точно. Поехали.

– Поедем, обязательно поедем, заверяю вас, Гудвин. – Он говорил так проникновенно, что я чуть не прослезился. – Но какое значение имеет – когда мы поедем? Сейчас или через четыре часа? Никакого! Я никогда в жизни не нарушал слова. Я – бизнесмен, а весь американский бизнес зиждется на честности, абсолютной честности! Мое предложение: я отправляюсь в свою контору, а вы в три часа приедете за мной, или мы встретимся, где вам будет угодно, и отвезем чемоданчик Ниро Вульфу.

– Я не...

– Не перебивайте. Несмотря на бесспорность моих моральных прав, я готов отблагодарить вас, если вы окажете мне услугу. В три часа, когда мы встретимся, я вручу вам тысячу долларов наличными. Гарантирую, что Вульф ничего не узнает об этом. Будь у меня с собой деньги, я дал бы вам эту тысячу сейчас же. Я никогда в жизни не нарушал обещаний.

Я взглянул на часы и сказал:

– Десять тысяч.

Он не удивился, только опечалился.

– О такой сумме не может быть и речи, – сказал он грустно. – Тысяча – предел.

Я ухмыльнулся:

– Интересно, до какой суммы я мог бы догнать, но уже без десяти одиннадцать, и через десять минут мистер Вульф спустится в кабинет. Я не люблю заставлять его ждать. К несчастью, сегодня воскресенье, а по воскресеньям я не беру взятки. Так что забудьте об этом. Выбирайте: либо я и вы с чемоданчиком под полой немедленно поедем к мистеру Вульфу, либо вы отдадите мне чемоданчик, а сами отправитесь погулять. В ином случае я подзы-

ваю полисмена, вон того, который ходит по той стороне, и прошу позвонить в участок, чего, признаюсь, я желаю меньше всего, но вы слишком упорно настаиваете на своих моральных правах. До сих пор я не спешил, но так как мистер Вульф скоро спустится в кабинет, даю вам две минуты на размышление.

Он сделал еще одну попытку:

– Четыре часа! Всего четыре часа отсрочки! Я согласен на пять тысяч, поедemте со мной, я вам их тут же вручу...

– Нет. Забудьте об этом. Ведь сегодня воскресенье. Пошли. Дайте-ка сюда чемоданчик.

– Я не выпущу его из рук!

– Как вам будет угодно. – Я встал, вышел на тротуар и стал ждать такси, не спуская глаз с О'Нила.

Глава 14

Десять полых черных валиков, примерно в три дюйма диаметром и шесть дюймов длиной, стояли двумя ровными рядами на письменном столе Вульфа. Рядом лежал чемоданчик из добротной толстой кожи, слегка поцарапанный и потертый. Сверху на крышке была оттиснута большая цифра «4», а на внутренней стороне приклеена карточка: «Бюро регулирования цен, канцелярия Ченни Буна, директора».

Я сидел за своим столом, Вульф – за своим. Дон О’Нил, засунув руки в карманы брюк, нервно шагал из угла в угол. Прием проходил далеко не в дружественной обстановке. Я уже сделал Вульфу обстоятельный доклад, не забыв, конечно, упомянуть о предложении О’Нила одарить меня пятью тысячами долларов. Вульф был настолько самоуверен, что рассматривал любую попытку подкупить меня как личное оскорбление, – то есть оскорбляют его, а не меня! Я часто задумывался, кого бы он порицал, если бы я вдруг принял взятку, – себя или меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.